

Генезис рациональности в древнерусской книжности: от чувственного образа к абстрактному понятию

И.А. Герасимова, В.В. Мильков

Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-6-52-62

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье представлены результаты исследования эволюции рационального мышления в древнерусской книжности. Скептическое отношение к интеллектуальной истории Древней Руси (XI – XVII вв.) было заложено в кругах просветителей начала XVIII в. Введение в научный оборот и междисциплинарные исследования текстовых источников и артефактов показали обоснованность такой категоричной точки зрения. В древнерусской мысли можно выделить следующие основные направления рационального мышления: политическая деятельность, перевод и освоение христианской литературы, научное познание, математико-хронологические вычисления, эмпирические наблюдения. Рефлексивно-рациональные стили мышления развивались в рамках религиозной формы сознания и духовных практик. Элементы научного знания транслировали на Русь переводные трактаты медицинского и космологического характера. Важное значение имели переводные логические тексты и освоение приемов логики в практиках дискуссий. В рамках этих процессов эволюция древнерусского языка проходила по линии трансформаций конкретно-образного в понятийное, абстрактное мышление. В ходе освоения философских понятий происходит формирование аналитического строя языка на логико-вербальной основе. Ключевую роль играли символы – конкретно-вещные и словесно-отвлеченные. Конкретно-вещный и понятийный языки обладают разными выразительными и познавательными возможностями. Аллегория, аналогия, мысленный эксперимент (конструирование), выделение отличительного признака, визуализация – характерные приемы образного мышления. Современный русский язык впитал в себя особенности как образного, так и логического конструирования. При ускоренном развитии информационно-коммуникационных технологий встают серьезные проблемы трансформаций рационального мышления. Цифровая эпоха открывает новые возможности визуальных способов кодирования информации.

Ключевые слова: древнерусская книжность, перевод, логика, рациональность, смыслопорождение, предметное мышление, образ, символ, понятие.

Герасимова Ирина Алексеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

homegera@gmail.com

[https://orcid.org/ 0000-0003-4656-3100](https://orcid.org/0000-0003-4656-3100)

Мильков Владимир Владимирович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

dr_milkov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7382-4447>

Цитирование: Герасимова И.А., Мильков В.В. (2018) Древнерусский философский язык: от чувственного образа к абстрактному понятию // Философские науки. 2018. № 6. С. 52–62.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-6-52-62

Genesis of the Rationality in the Old Russian Book: from the Sensual Image to the Abstract Concept

I.A. Gerasimova, V.V. Milkov

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-6-52-62

Original research paper

Summary

In the article the authors put and discuss the problem of rationality in the culture of Old Russia in the context of contemporary discussions on the problems of rationality. Enlighteners of Peter's time adhered to the view of the total absence of intellectual life in Old Russia. Authors distinguish various areas of intellectual activity: the study of nature, mathematical and chronological works, the use of logical tools in apologetics and polemics, medical practices, political strategies, translation activity, understanding of the inner nature of man. The evolution of Old Russian language passed along the line of transformations of concrete-figurative thinking into conceptual, abstract thinking. In the processes of mastering philosophical concepts, the formation of an analytical system of language on a logico-verbal basis takes place. In the formation of a verbal-ordered language, the key role was played by symbols-concrete things, verbal and abstract. Fundamental philosophical concepts stem from symbols. Specific-proprietary and conceptual languages have different expressive and cognitive capabilities. Allegory, analogy, thought experiment (design), isolation of an abstract trait, visualization are typical techniques of figurative thinking. Modern Russian language absorbed the features of both figurative and logical construction. The digital era opens up new possibilities for visual methods of encoding information.

Keywords: old Russian bookishness, translation, logic, rationality, meaningfulness, subjective thinking, image, symbol, concept.

Irina Gerasimova – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

home_gera@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4656-3100>

Vladimir Milkov – D.Sc. in Philosophy, Leader Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

dr_milkov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7382-4447>

Citation: Gerasimova I.A., Milkov V.V. (2018) Genesis of the Rationality in the Old Russian Book: from the Sensual Image to the Abstract Concept. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 6, pp. 52-62.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-6-52-62

Введение

Генезис отвлеченного мышления в Древней Руси, формировавшегося в процессе переводческой деятельности и освоения христианской богословско-философской литературы носит печать, которую накладывали на него социокультурные факторы. Русь повернулась к христианству, будучи независимой державой, и власти решали суперсложную политическую задачу принять многовековое наследие «старых» христианских народов, но при этом сохранить самостоятельность по отношению к мировым церковным центрам. Выбор «учителя» осуществлялся без миссионерства и других форм религиозной экспансии извне. В тех условиях Владимир Креститель ориентировался на кирилло-мефодиевскую традицию, одинаково открытую как Риму, так и Константинополю.

Для древнерусской эпохи характерен синкретизм духовности с интеллектуальностью. Утвержденные доктриной смыслы были непререкаемы, но символическая картина мира носила обобщенный характер, допускала различные мнения, и, как следствие, вариативность конкретных решений. Рефлексивно-рациональные стили мышления развивались в рамках религиозной формы сознания и духовных практик. Направления рациональной деятельности распространялись на социально-политическую жизнь, философско-богословские дискуссии о космоустройстве и природе человека, на практическую этику. Естественнаучная рациональность развивалась в рамках областей, связанных с запросами церкви, прежде всего с математико-хронологическими работами и астрономическими познаниями, необходимыми для расчета пасхалий. Элементы научного знания транслировали на Русь переводные трактаты медицинского и космологического характера. Вплоть до середины XVII в. в идейной жизни страны преобладали установки крайнего аскетизма с резко отрицательным отношением к телесности. Существовали не только запреты на занятия народным врачеванием, но и всеобщее негатив-

ное отношение к деятельности врачей-иноземцев, представлявших в те времена западноевропейскую ученость. Эмпирические познания фиксировались в устной народной культуре – природной прогностике и искусстве врачевания. Широкое хождение среди книжников имели апокрифы. Вопреки запретам на внеканоническую книжность, апокрифы переписывались и пользовались популярностью [Герасимова, Мильков, Симонов 2015].

Формирование абстрактного языка в ходе переводческой деятельности

Становление философского и литературного языка, формирование абстрактных понятий и отвлеченной лексики, осуществлялось непосредственно в процессе деятельности по переводу христианской богословской литературы с греческого, реже с еврейского языков. На этом поприще работали и древнерусские книжники, и посредники в трансляции заимствований (болгары, сербы). В славянских чувственно-образных языках не было терминов для выражения отвлеченных понятий новой веры. Книжники провели гигантскую работу по выкристаллизовыванию новых смыслов из старых слов, тем самым обогащая язык. Грецизированные кальки на общем фоне не преобладали, но все же бытовали. Основные лексические новации – результат творчества, за которым скрывается кропотливая работа коллективного разума славяноязычных переводчиков.

Принципы логической организации языка по типу выделения понятий – суждений – умозаключений сложились только к XVIII в. и укрепились под влиянием европейской науки и философии Нового времени. Древнерусский язык длительное время сохранял чувственно-образный, предметно-конкретный характер, представляя «мышление в вещах» и «вещный символизм». Практически-специализированные области языка обладали особыми выразительными возможностями в отношении познания и действия. Например, в народном целительстве в диагностике заболеваний опирались на именование симптомов через приметы (знамения): Трясуха (по принципу телесной дрожи); Грудница (по признаку болезни сердца, хрипоты); Ломея (по признаку болей в костях и в спине) и т.д. Выделение отличительного наглядного признака и акт именования на этой основе в логической методологии отнесли бы к «умозаключениям от признака», но в чувственно-образном стиле мышления скорее нужно говорить об «умозрении от признака» – голографическом способе воссоздания целостного предмета (или ситуации) по характеристическому признаку. Основу целительства составляло искусство визуализации (в современных терминах – предметно-смысловое конструирование), которое в речи отражалось в создании

ярких, детально очерченных образов. Ритмическое слово-действие в целостном искусстве соединяло сознательную и бессознательную сферы (диалог сознания и тела с помощью конкретно-вещных образов) [Герасимова, Мильков, Симонов 2015, 134–147].

Формирование христианской лексики философско-богословского характера осуществлялось в том числе и на основе обыденного, вещно-предметного языка, который вбирал в себя смыслы религиозной, дуальной картины мира. Приведем два примера. В дохристианский период все, что имело отношение к существованию живого организма, выражалось словами с корневой основой на *жи*: *жито* (хлеб), *жила* (вена), *жирь* (пища), *жилье* (место проживания), *животь* (существование человека), *житие* = *житье*, *животина* = *животное*. Все слова относились исключительно к плотскому пониманию жизни и того, что ее обуславливает. И только в христианской славянской письменности с XI в. появляется слово *жизнь*. Слово того же корня, но оно приобретает значение обобщенно-отстраненного понятия жизни вечной, божественной, духовной. Оппозиция бытия и инобытия развела *живот* и *жизнь* до противопоставления *духовной возвышенной жизни* – *брюху и скотине* [Колесов 2011, 73–81]. Диапазон значений слова от обыденного до абстрактно-высокого в формировавшемся отвлеченном языке – характерная черта символизма русского языка, который возводит к «горным» смыслам через «долные» образы.

Другой пример демонстрирует ценностную поляризацию славянской лексики для передачи греческого термина *ύλη* – *материя*. В славянских Ареопагитиках данный термин передается двояко, как «вещь» и как «тимение». В первом случае обозначается то, что представляет *строительный материал, способный обрести вид*, а значение второго слова – *тина, грязь, ил, отстой*. При выборе такого словоупотребления передавалось представление о греховности материального мира». Замена нейтральной и употреблявшейся в религиозно-философских контекстах лексемы «вещь» на «тимение» позволяет выразить характерное для христианского аскетизма в его крайних формах уничтожение плотского начала [Николаева 2014, 39–40].

Отголоски магических практик с пониманием слова как действия отражались в языке преобладанием глаголов, из которых в последующем могли быть образованы существительные отвлеченного содержания. Например, славянское слово «понятие» завершает свое развитие в XVIII в. со значениями *понимания, способности познания, представления в образе, идеи в символе*. Данная лексема буквально означает «схваченное», «настигнутое», неся на себе оттенки физического действия [Колесов 2011, 120–121].

Познавательная процедура обобщения в вещно-образном мышлении опиралась на прием экземплификации прообраза (прототипа) в конкретном контексте. В передаче сокровенных смыслов имел место принцип «говорить по сознанию»: «скрытое», символически понималось через «явное», «абстрактное» – через «конкретное», «высокое» – через «низкое», но понятное в повседневном опыте. Полярные смыслы сливались в аллегориях и аналогиях, а также в «наглядных доказательствах» – мысленных экспериментах [Герасимова 2014]. В декодировке сокровенного ключевая роль принадлежала невербальному символизму: знаковой значимости храмовых построек, фрескам, иконописи. Постигание истин веры достигалось умозрением и погружением в молитвенное состояние.

Исключительное значение для формирования отвлеченного мышления сыграла методология Ареопагитик, а именно учение о познании божественного через «подобные подобия» и «неподобные подобия». Если в рациональном мышлении знак играет роль замещения, то в предметно-образном преобладает функция уподобления [Колесов 2011, 272]. Чувственно-конкретная вещь «видна», зримо-ощутима, известна по повседневному опыту, но сущность вещей тварного мира скрыта. Постигнуть суть вещей в жизненном опыте возможно через сходства и подобия. В Ареопагитиках развивается парадоксальная онтология: первопричина непознаваема, но умопостигаема через символические образы. Любые образы несовершенного, плотского мира неподобны, человек видит мир сквозь «тусклое стекло», но, тем не менее, среди неподобий можно выделить приближающиеся к сути вещей подобия и отдаленные неподобия. Достойные подобия среди неподобий – божественные имена или универсалии (предельные понятия), с помощью которых человек познает божественный закон, воплощенный в мироустройстве (Сущий, Свет, Красота, Любовь, Тот же, Другой, Единый, Совершенный, Мир, Движение, Ум, Вера, Истина и иные). Свойства ангельских сущностей человек способен узреть через символы дольного мира, которые могут быть приближенными к божественным именам («подобные подобия», например, «Солнце правды», «Утренняя звезда»), но могут быть и далеки от божественного. К отдаленным неподобным подобиям принадлежат зооморфные образы, а также все, что в моральном богословии относят к греху. Например, гнев в мире человека лишает его разума, но в совершенных условиях ангельского мира ярость обнаруживает «мужественную разумность и несмягчаемую верность богообразным и непревратным устоям» разумных существ [Николаева 2016, 203]. Рациональная стратегия мышления Ареопагита представляет несомненный методологический интерес. При стандартном подходе противоположности определяют как крайние проявления единого свойства [Герасимова 2010, 45–46]. Во многих культурных тради-

циях была распространена стратегия «золотой середины». «Золотая середина» в когнитивных и этических практиках понималась как достижение равновесия через переход на более высокий онтологический уровень («центр поляризации находится вне плоскости поляризации»). В Ареопагитиках развивается методология преобразования негативного полюса в позитивный по линии родственных противоположностей. Любое негативное качество в несовершенном мире можно помыслить как совершенное при других условиях (в сочетании с другими качествами).

Под влиянием переводческой деятельности символизм претерпевал трансформации от «вещей-символов» к абстрактным «словам-символам», а к XVIII в. символические образы создают основу для генезиса отвлеченных понятий [Колесов 2011, 275]. Философские понятия – сознание, совесть, совершенствование, смысл имеют символическое происхождение.

Логические тексты и образование

Первые славянские переводы логических фрагментов текстов византийских богословов делались в стиле предметного мышления, или же сочетали оба стиля [Герасимова 2014]. Самый ранний пример – это логико-философские главы из энциклопедического «Изборника 1073 года». В основу текста лег трактат Феодора Презвитера, христианского последователя Аристотеля. Освоение философских категорий – *сущность, сущее, природа* («естество»), *ипостась* («собщество»), *род, вид* – шло по линии пересечения логической связи отношений и зримой реальности вещного мира.

Беспрецедентным для древнерусской книжности является распространение с рубежа XII–XIII столетий списков «Диалектики» Иоанна Дамаскина, переведенной на славянский язык еще Иоанном экзархом Болгарским в X в. Общий тираж этого произведения в копиях превышает 200 рукописей и сопоставим с рукописными тиражами христианской классики. В «Философских главах», или «Диалектике», Иоанн Дамаскин предлагал своим читателям правила доказательств, которые необходимы для правильного выбора мнений при столкновении суждений. Важнейшие для выражения доктринальных постулатов категории, по Дамаскину, это *сущность, ипостась и неделимое*. Именно эти категории чаще всего использовались в древнерусских рукописях для точной передачи формулировок о единосущности и триипостасности Бога, например, в сборнике естественнонаучного и космологического содержания (ГИМ.Син. № 951. Л. 2196–2206). Логические правила здесь применены к суждениям о тринитарности. Завершением рукописного бытования «Диалектики» на древнерусской почве была работа Андрея Курбского (ок.1528–1583),

который осуществил перевод полной версии «Диалектики» (работал в 1575–1577 гг., была напечатана в 1586), тогда как в славяно-русских списках бытовали ее сокращенные варианты. В процессе работы Курбский заметил, что у Иоанна Дамаскина уделяется мало внимания силлогизму. Он компенсировал это переводом работы ученика Лютера Иоанна Спангенберга «О силлогизме». В дополнении показано отличие силлогизма от софизма, охарактеризована энтимема («охромелый силлогизм» по Курбскому). Рассмотрены фигуры и модусы силлогизма. Даны определения демонстративных и вероятностных умозаключений. Предлагается собственная авторская система понятий, для которых не во всем имелись соответствия в языке. Свой перевод Курбский снабдил «Сказанием о логике», «Сказанием о древе Порфирия» и послесловием, где изложил свое понимание логики как инструмента познания.

В конце XV в. подборки логических категорий Аристотеля приходят в древнерусскую книжность уже со стороны Западной Европы. Новгородская ересь XV в., охватившая широкие круги духовенства, привлекала ученостью и рационализмом и светские власти. Переводятся и распространяются логические трактаты, которые были распространены в среде еврейских интеллектуалов. Из этих логических трактатов можно было узнать, что существует два типа мудрости: божественная, которая транслируется пророками, и человеческая, которая открывается знающим людям. К мудрости ведет знание математики, геометрии, астрономии и умение пользоваться логическими приемами, которые служат доказательству истины.

Под названием «Логика Авиасафа» в русском переводе появились разделы «Логики» и «Метафизики» из трактата «Стремления философов Аль-Газали (1059–1111) [Таубе 2010]. «Логика» Аль-Газали представляет собой пример средневековой восточной интерпретации постулатов Аристотеля и структурно состоит из пяти глав. В них излагались постулаты логической науки: представления об источниках знания, учение о терминах (включая их классификацию), характеристика типов предикации, близкая Порфирию, принципы умозаключения и правила доказательств. В тексте сформулированы шесть условий, которые необходимо соблюдать во избежание формальных противоречий [Симонов, Стяжкин 1977].

К «Логике Авиасафа» примыкает текст, озаглавленный «Книга, глаголемая логика». Это пособие по логике Моисея Маймонида (Моисей-бен-Маймуна) (1135/1138–1204), которое создавалось под влиянием «Логики Авиасафа». Данный текст можно считать своеобразным конспектом «Логики Маймонида», поскольку содержательно – это обобщение логических терминов и правил, описанных в текстах Аль-Газали. С другой стороны, можно говорить о более пространным изложении логико-гносеологических вопросов. Специальный раздел

посвящен категориям, которые отсутствуют в «Логике Авиасафа». Много внимания уделено вопросам семантики и синонимии, а также специальному изъяснению понятия первоначала. Если «Логика Авиасафа» излагает общие положения логической науки, то «Книга, глаголемая логика» акцентирует внимание на истолковании логических терминов. Общий для обоих произведений ареал логических терминов охватывает 150 понятий, подробное разъяснение которых базируется на единой со схоластической философией европейцев и арабов логической семантике.

Выводы

Славянские и древнерусские книжники проявили изобретательность и мастерство при введении в языковую практику отсутствовавших отвлеченных понятий. Трансформации языка и обогащение его новыми выразительными возможностями шли путем интенсивного культурного обмена с Востоком и Западом. Современный язык впитал в себя как риторические, образные, так и дисциплинированные, логические стили.

Обратим внимание на ряд проблем, которые возникают в ходе исследования древнерусской ментальности.

В отношении научной рациональности верно то, что предметное и аналитическое мышления дополняют друг друга, но с широким распространением цифровых технологий набирают вес именно визуальные способы кодирования информации, в том числе выражен феномен визуальной аргументации. Предметно-смысловое конструирование получает новую жизнь в проективных технологиях. Проблема «медленной, логической рациональности» в отношении феноменов цифровой эпохи открыта.

Понятие рациональности обретает новые смыслы, если не ограничиваться научной рациональностью. В отношении древнерусских реалий стоит поставить вопрос о политической рациональности как разумности принятия решений и проведения их в жизнь независимо от религиозных идеологов.

Синкретизм религиозно-духовных практик и философских обобщений позволяет говорить о теологической рациональности в Древней Руси.

Многообразие философских стилей можно объяснить и выразительными особенностями русского языка. Литературно-философские и научно-рациональные направления философствования Серебряного века дополняли друг друга. Русский космизм вошел в мировую культуру, охватывая философию, литературу, искусство, науку, другими словами, разные типы рациональности. Идеи космизма (всеединства, целостности, сотрудничества) приоб-

ретают особую актуальность в связи с процессами глобализации и становлением планетарной культуры (космо-гео-человекомерного мышления). Космизм Серебряного века укоренен в древнерусском космизме. Гуманитарный вектор развития культуры будущего ставит задачи всестороннего исследования русского опыта «делания себя» и отечественных антропологических учений о внутренней природе человека.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Герасимова 2010 – *Герасимова И.А.* Единство множественного (эпистемологический анализ культурных практик). – М.: Альфа-М, 2010.

Герасимова 2014 – *Герасимова И.А.* Древнерусские Шестодневны (логико-методологический анализ) // *Философский журнал*. № 2(13). 2014. С. 74–87.

Герасимова, Мильков, Симонов 2015 – *Герасимова И.А., Мильков В.В., Симонов Р.А.* Сокровенные знания Древней Руси. – М.: КНОРУС, 2015.

Колесов 1986 – *Колесов В.В.* Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1986.

Колесов 2011 – *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 4. Мудрость слова. – СПб.: Нестор-История, 2011.

Николаева 2014 – *Николаева Н.Г.* О Божественных именах (из 4-ой главы). Глоссы как источник понимания материи славянскими переводчиками и русскими читателями // *История философии*. № 19. – М.: ИФРАН, 2014. С. 37–76.

Николаева 2016 – *Николаева Н.Г.* «Тусклое стекло» неподобных образов: символический мир Ареопагитик // *Epistemology&Philosophy of Science*. Эпистемология и философия науки. 2016. Т. XLVIII. № 2. С. 193–208.

Симонов, Стяжкин 1977 – *Симонов Р.А., Стяжкин Н.И.* Историко-логический обзор древнерусских текстов «Книга, глаголемая логика» и «Логика Авиасафа» // *Философские науки*. 1977. № 5. С. 132–143.

Таубе 2010 – *Таубе М.* Переводная литература «жидовствующих» // *История еврейского народа в России. От древности до раннего Нового времени*. Т. 1. – М., 2010. С. 367–397.

REFERENCES

Gerasimova I.A. (2010) *Unity of the Plural (Epistemological Analysis of Cultural Practices)*. Moscow: Alfa-M (in Russian).

Gerasimova I.A. (2014) Old Russian Six-Days (Logical-Methodological Analysis). *Philosophical Journal*. 2014. № 2 (13), pp. 74-87 (in Russian).

Gerasimova I.A., Milkov V.V., Simonov R.A. (2015) *The Secret Knowledge of Ancient Russia*. Moscow: Knorus (in Russian).

Kolesov V.V. (1986) *The World of Man in the Word of Ancient Russia*. Leningrad: Leningrad State University Publ. (in Russian).

Kolesov V.V. (2011) *Ancient Rus: a Legacy in the Word*. 5 books. Book 4. Wisdom of the Word. Saint Petersburg: Nestor-History (in Russian).

Nikolaeva N.G. (2014) On the Divine Names (from the 4th chapter). Glosses as a source of understanding of matter by Slavic translators and Russian readers. *History of philosophy*. No. 19. Moscow: Institute of Philosophy, pp. 37-76 (in Russian).

Nikolaeva N.G. (2016) “Dull glass” of Inconvenient Images: the Symbolic World of the Corpus Areopagiticum. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. XLVIII. No. 2, pp. 193-208 (in Russian).

Simonov R., Styazhkin N. (1977) Historical and Logical Review of Old Russian Texts “The Book, Glagolemic Logic” and “The Logic of Aviasaf”. *Philosophical sciences*. 1977. Vol. 5, pp. 132-143 (in Russian).

Taube M. (2010) Translated Literature of “Judaizers”. In: A. Kulik, I. Bartal (eds.). *The History of the Jewish People in Russia. From Antiquity to Early Modern Times*. Vol. 1. Moscow, pp. 367-397 (in Russian).